

Живот неприятно тянуло. Цяо Юаньлинь поднялся с постели и побрел в ванную. Облегчившись, он прижал ладонь к груди, мысленно благодаря судьбу за то, что остался жив. Умывшись, он вышел и замер у изголовья кровати, разглядывая цветы. Присмотревшись, он понял, что все они из семейства розоцветных.

Двинулась дверь. Лян Чэн вернулся уже во второй раз: в одной руке он держал подарочную коробку, а в другой сжимал связку рвущихся ввысь гелиевых шаров.

Цяо Юаньлинь изумленно округлил глаза, а в голове пронеслось: «Ну дает эта ваша Жотань!»

— Это какая-то особая услуга вашей больницы? — спросил он.

Лян Чэн разжал пальцы, и шары взмыли к потолку. Он подошел ближе, чтобы убедиться, что с Цяо Юаньлинем все в порядке. Окончательно успокоившись, он произнес:

— Я взял тебе отгул. Полежишь в больнице пару дней под наблюдением.

Цяо Юаньлинь задрал голову, провожая шары взглядом, и шутливо вздернул подбородок:

— В детстве, когда я лежал в педиатрии, меня так не баловали.

— Чего бы тебе хотелось съесть? — спросил Лян Чэн. — Схожу в буфет, куплю.

— Да все равно, — Цяо Юаньлинь перехватил шарик в форме сердца. — В больнице редко увидишь такой ярко-красный цвет. Решил устроить праздник среди уныния?

— ... — Лян Чэн лишь промолчал и вышел, отправившись за едой.

Цяо Юаньлинь на радостях сделал несколько снимков, а затем собрал все шары в охапку и обошел детские палаты, раздавая их маленьким пациентам.

Себе он оставил только красный шарик в форме сердца. Привязав ниточку к пальцу, он направился к посту медсестер, чтобы узнать, можно ли разнести по палатам еще и цветы.

Голова все еще слегка кружилась, поэтому он притормозил, опершись о настенный поручень. С поста медсестер доносился приглушенный девичий щебет — персонал выкроил свободную минутку.

— ...Обычно, если пациенты дарят цветы в благодарность, доктор Лян раздает их еще по дороге в кабинет, а тут сам столько накопил!

— Неужели решил открыть цветочный салон? Такой видный красавец, а с какими причудами.

— Да ладно вам! Я как раз сдавала смену и видела на парковке, как доктор Лян разгружал машину. Там и шары, и подарки — весь багажник забил под завязку.

Все тут же оживились:

— Ну точно, признаться кому-то решил!

Цяо Юаньлинь опешил. Держась за поручень, он осторожно сделал пару шагов вперед и услышал голос медсестры Сюй:

— И что теперь делать? Я видела, как всё это заносили в палату репортера Цяо.

— Наверное, все сорвалось. Доктору Ляну сейчас не до того, надо за братом приглядывать. Видела бы ты, как он дергался, весь день от него не отходил.

— И то верно. Видно, что они очень дружны.

...

Цяо Юаньлинь вернулся в палату. Теперь охапки цветов вокруг него вызывали совсем иные чувства. Он открыл коробку — там лежал новенький объектив, на который он собирался накопить со следующей зарплаты.

За всю свою жизнь Лян Чэн повидал мало тепла и нежности. Он просто не умел красиво ухаживать — даже чтобы утешить кого-то, ему приходилось долго настраиваться, а в итоге из груди вырывался лишь тяжелый вздох. Романтический сюрприз в багажнике, цветы, шарики, подарки и ужин в европейском ресторане, который пришлось отменить, — всё это выглядело жутко банально. Но для него это было колоссальным шагом навстречу переменам в самом себе.

Цяо Юаньлинь подумал, что ему в любом случае суждено было упасть в обморок. Не лишись он чувств при встрече, точно рухнул бы от избытка эмоций, едва открылся бы багажник.

Но, к сожалению, планы нарушились. По негласному согласию они отложили этот разговор: один восстанавливал силы, другой преданно за ним ухаживал, пока через неделю репортера наконец не выписали.

Переодевшись из больничной пижамы, Цяо Юаньлинь сидел на краю кровати, опустив голову и листая ленту в телефоне. Подошел Лян Чэн, набросил ему на голову полотенце и принялся сушить его влажные волосы.

Цяо Юаньлинь чувствовал, что с такой заботой скоро совсем разбалуетея, но ему это безумно нравилось. Он спросил:

— Доктор Лян, пощупайте, у меня голова круглая или плоская?

— Светлая голова отечественной журналистики, — безэмоционально ответил доктор Лян.

Цяо Юаньлинь прыснул со смеху. Сдернув с себя полотенце, он спросил:

— Тогда ты свободен сегодня вечером? Эта светлая голова устраивает праздничный банкет.

В больнице его кормили одной безвкусной преснятиной, так что в мыслях Цяо Юаньлинь уже составил длиннущее меню. В ресторане «Хайсяньхуэй» цены были просто грабительскими, поэтому он выбрал старое знакомое место — закусочную «Сяо Юй».

В ходе расследования Дела о виагре ему помогали многие: Ин Сяоцун, Лао Сы, руководитель группы Вань, Чжэн Яньдун, Чэн Лие и другие бывшие коллеги. Ему хотелось устроить для них ужин и поблагодарить каждого.

В сумерках улица Цзисян выглядела точно так же, как и годы назад. Вся она, от начала до конца, утопала в разноцветных огнях и гудела от праздной суеты.

Закусочная «Сяо Юй» по-прежнему процветала, прочно удерживая самое выгодное место у озера. Белые каменные перила у воды слегка пожелтели от кухонного дыма, но на ощупь

казались почти теплыми.

Как организатор банкета, Цяо Юаньлинь пришел пораньше. Вместе с Лян Чэном они выбирали напитки под навесом от дождя. В прошлый раз они сидели здесь восемь лет назад, на прощальном ужине. Нахлынувшие воспоминания всколыхнули в его душе грусть, и он не сдержался — ощутимо стукнул Лян Чэна кулаком.

Лян Чэн тихонько шикнул от боли и прижал ладонь к боку:

— В следующий раз бей куда-нибудь еще.

— Что с тобой? — испугался Цяо Юаньлинь, мгновенно пожалев о своей выходке. — Так больно?

— Старая травма, — ответил Лян Чэн. — Рубец разросся.

Цяо Юаньлинь мало что в этом смыслил. Он придвинулся поближе и приподнял край футболки Лян Чэна — под ней виднелись лишь крепкие, очерченные мышцы, а сам шрам выглядел как обычно.

Поняв, что его разыграли, он надулся. В этот момент под навес вошел Лао Сы с большим ведром живых крабов в руках и зычно прокричал:

— Обалдеть можно! Вы умудряетесь миловаться даже в этой дыре!

Цяо Юаньлинь смутился:

— Кто милуется? С чего ты это взял?

— Ну, ты ему футболку задираешь, откуда мне знать? — хохотнул Лао Сы. — Научные исследования проводите, не иначе!

Цяо Юаньлинь вспыхнул от злости и стыда:

— Так, за стол можешь даже не садиться! Я тебя не приглашал!

— Лян Чэн! Слышал, что твой малец несет? — пригрозил Лао Сы. — Ну все, я увожу обратно все морепродукты!

У Лян Чэна голова пошла кругом от их криков. Он подошел ближе, окинул взглядом отборных жирных крабов, а затем невозмутимо и прохладно обратился к гостю:

— Брат Сы.

Лао Сы аж передернуло. Он замахал руками:

— Ладно-ладно... Идите воркуйте в другом месте. Арендуйте лодку на озере и катайтесь там сколько душе угодно.

Стоило им выйти наружу, как у обочины притормозило такси. Из машины выбрался длинноногий красавец со стаканом кофе из «Старбакса» — это был Чжэн Яньдун.

— Я не опоздал? — с улыбкой спросил Чжэн Яньдун. — Привет, маленький домовладелец. Столько лет прошло, помнишь меня?

Цяо Юаньлинь уже давно перерос детскую ревность времен старшей школы. Он приветливо ответил:

— Брат Яньдун, зови меня просто Сяо Цяо.

— Сяо Цяо — это для коллег, звучит суховато, — заметил Чжэн Яньдун. — А как тебя зовет Лян Чэн?

Цяо Юаньлинь замялся:

— ...По полному имени.

За разговором они не заметили, как подошла Ин Сяоцун. Сегодня она изменила своему обычному стилю и надела простую жемчужно-серую рубашку свободного кроя. Мягкая ткань сглаживала броские черты лица, придавая ее облику непривычную скромность — она казалась совсем другим человеком.

Цяо Юаньлинь радостно воскликнул:

— Братец Ин, ты так красива сегодня!

— Красива? С хрена ли, — стоило Ин Сяоцун заговорить, как ее изысканный образ тут же растаял. Она недовольно буркнула: — Специально одолжила эту серую тряпку. Там ведь старый Чэн будет? Сидеть за одним столом с легавым — то еще удовольствие. Нарядись я поярче, он бы с меня глаз не сводил.

Чжэн Яньдун посмотрел на нее и мягко заметил:

— А тебе идет.

— Ты ведь тот судмедэксперт? — прищурилась Ин Сяоцун. — Когда целыми днями возишься с мертвецами, тебе, небось, и свинья покажется писаной красавицей.

Вскоре собрались и остальные. Руководитель группы Вань первым делом раздал присутствующим свои визитки, а Чэн Лие с бывшими коллегами-полицейскими прихватили с собой бутылку традиционной «Эрготоу». Вся компания дружно уселась за ломящийся от еды большой стол.

На столе красовалось холодное пиво и шипучая газировка, однако Лян Чэн аккуратно вставил трубочку в коробочку с соевым молоком и подвинул ее поближе к руке Цяо Юаньлиня.

Прежде чем поднять бокалы, Цяо Юаньлинь поднялся с места и произнес торжественную речь, неуловимо напоминающую манеру его отца, Цяо Вэньюаня:

— Каждый из вас представляет ту или иную сферу, оказавшую нам неоценимую помощь. Без вашего участия наше резонансное Дело о виагре не завершилось бы так успешно. Ради процветания нашего прекрасного Пинхая, на благо его жителей и во имя общественной справедливости мы собрались за этим столом. Давайте же хорошо проведем время! Угощайтесь!

Закончив речь, он с чувством припал к трубочке и сделал большой глоток соевого молока.

Лян Чэн никогда не жаловал подобные застолья. С кем бы он ни сидел, он почти все время молчал, лишь изредка подавая голос, и чувствовал себя немного чужим посреди этого шумного

веселья.

Вдруг под столом его колена коснулось другое колено. Цяо Юаньлинь тихонько шепнул:

— Ну вот, я поблагодарил абсолютно каждого.

Лян Чэн негромко спросил в ответ:

— А как же я?

Цяо Юаньлинь ничего не ответил. Вместо этого он подцепил палочками сочную креветку, быстро очистил её от панциря и протянул Лян Чэну:

— Прошу.

Лян Чэн усмехнулся и откинулся на спинку стула. Он положил ладонь на спину Цяо Юаньлиня, чувствуя пальцами изгибы позвоночника, и молча наблюдал за тем, как тот весело болтает с остальными, то сильнее, то слабее поглаживая его лопатки.

Близилась полночь. Захмелевшего Чэн Лие увел под руку бывший коллега. Руководитель группы Вань, сытый и довольный, засобиравшись домой — ему нужно было успеть почитать дочке сказку на ночь. Лао Сы тоже проявил сознательность: ему требовалось вовремя запустить трансляцию для своих подписчиков.

За столом заметно поредело. Слегка нетрезвая Ин Сяоцун лениво подперла щеку рукой, просматривая трансляцию с камер наблюдения ресторана «Хайсяньхуэй», и протянула:

— Что, уже расходимся? А как же караоке попеть?

Лян Чэн бросил красноречивый взгляд на Чжэн Яньдуна.

Чжэн Яньдун достал пачку сигарет и предложил:

— Сяоцун, давай прогуляемся по ночному рынку?

Ин Сяоцун сощурилась:

— Послушай, господин гробовщик, ты как меня назвал?

— Сяоцун, — спокойно ответил Чжэн Яньдун. — Твое имя звучит как «яшмовый цветок». Разве такая красота создана не для того, чтобы ее произносить?

Ин Сяоцун, продолжая невнятно ругаться, направилась прочь, а Чжэн Яньдун накинул куртку и пошел следом. За просторным столом внезапно остались только они двое.

Доев последнюю дольку апельсина с фруктовой тарелки, Цяо Юаньлинь вытер губы салфеткой. За соседними столиками незнакомцы продолжали шумно чокаяться бокалами, но в их маленьком уголке воцарилась внезапная тишина.

Вскоре подъехала на машине Ин Сяоюй. Ее красота и добрая слава гремели на этой улице уже не один десяток лет, но ее появление по-прежнему заставляло людей оборачиваться в восхищении.

Лян Чэн поприветствовал её:

— Сестра Юй.

— Уже закончили? Запишите всё на мой счет, — радушно произнесла Ин Сяюй. — Сяоцун сильно выпила? Давно она ушла?

— Думаю, она еще где-то на ночном рынке, — ответил Лян Чэн.

Ин Сяюй отошла к краю дороги, чтобы сделать звонок. Ветер мягко шевелил ее распущенные волосы и подол легкого платья. Гудки все еще шли, когда мимо проходила компания из пяти-шести парней, только что поевших на гриль-веранде по соседству. Заметив её, они с глупыми смешками притормозили.

<http://bllate.org/book/18284/1753085>